

Махито сосредоточенно цедил молоко из бутылки, пока А-Эр опускал монеты в кассовый аппарат. Дождавшись, когда тот закончит, он заботливо вытер ему лицо салфеткой.

За последние дни А-Эр уничтожил большую часть проклятий в округе. Похоже, это привлекло внимание «Окна» — поблизости стали замечать рыскающих шаманов.

Убивать магов он не хотел, а потому ему приходилось скрываться вместе с Махито. Про себя он невольно признавал: реформы Сабору Годзё действительно принесли плоды. Раньше любая реакция тонула в бесконечной бюрократии; если дело не пахло катастрофой государственного масштаба, никто бы и пальцем так быстро не пошевелил. Да и внутреннее устройство «Окна» всегда отличалось излишней запутанностью.

В бытность свою рядом с Сабору Годзё он внимательно наблюдал за работой этой структуры. В «Окне» служили самые разные люди. Одни когда-то учились в магическом колледже, но из-за слабости бросили стезю шаманов, не сумев при этом вернуться к обычной жизни. Другие — простые обыватели, которые после тяжелой душевной травмы внезапно обрели способность видеть проклятия; их влекла либо вера в правое дело, либо высокое жалованье и щедрая компенсация семьям в случае их гибели. Но была и третья, самая проблемная категория — марионетки, за ниточки которых дергали различные влиятельные кланы.

Разумеется, старейшины влияли и на первых, и на вторых, однако те в глубине души всё же оставались нейтральными. Те же, кто отрабатывал чужие интересы, служили исключительно своим хозяевам. Ради выгоды кланов они могли утаивать ценные сведения. К тому же шаманов вечно не хватало.

А-Эр всерьез подумывал о том, чтобы забрать Махито и убраться отсюда подальше. Если маги продолжат рыскать поблизости, столкновения не избежать. Хотя встреча с Юдзи Итадори и укрепила в нём человеческое начало, А-Эр понимал: если потребуются, он без колебаний перешагнет через любого, кто встанет у него на пути. Конечно, доводить до крайностей не хотелось. Но и оставлять Юдзи одного слишком надолго он не планировал.

Пока он предавался размышлениям, узоры на его черной вуали непрерывно сменяли друг друга. Золотой глаз превращался то в восклицательный знак, то в забавную рожицу «=w=», то в знак вопроса. Махито, замороженный этой игрой, словно котенок, следящий за перышком на веревочке, потянулся к ткани ладонью.

А-Эр удивленно взглянул на проклятие и, разгадав его детскую забаву, послушно присел пониже, позволяя дотронуться. Из-за такой податливости Махито мгновенно потерял интерес.

— Зачем ты её носишь? — лениво поинтересовался он. — Это какое-то проклятое оружие? Или прячешься от кого-то?

— Просто чтобы скрыть лицо, — отозвался А-Эр.

С тех пор как он переродился в проклятие, вуаль приросла к нему, сделавшись частью его физического воплощения и послушно отражая любые перемены в его настроении.

— Скрыть лицо?

— Да. Оно всё в шрамах. Если не прятать, люди пугаются. Один раз я так до смерти напугал ребенка — тот расплакался навзрыд.

На самом деле раньше эта вуаль скрывала его присутствие, облегчая незаметное перемещение. Все, кто стоял рангом ниже особого класса, попросту не замечали его. Однако после его превращения в проклятие этот эффект исчез — ткань срослась с плотью, лишив наложенную технику силы.

— И только-то? — Махито искренне изумился.

Тело новорожденного проклятия тоже было сплошь покрыто лоскутными швами-шрамами, но ему и в голову не приходило стыдиться своего облика. Человеческая логика А-Эра казалась ему чуждой и нелепой.

— Да, «только-то», — мягко улыбнулся А-Эр. — Но для меня это важно.

Он поднялся и осторожно взял Махито на руки. Похлопывая его по спине, он ласково проговорил:

— Ну всё, хорошим детям пора спать. Спеть тебе колыбельную?

«Опять он за свою дурацкую семейку», — мысленно скривился Махито.

Но инстинкт самосохранения подсказал: с силой этого чудовища лучше не спорить. Он послушно кивнул.

Проклятия не нуждаются ни в еде, ни в отдыхе, но А-Эр свято чтит человеческие привычки из прошлой жизни. Он уложил Махито в постель (этот дом он купил про запас еще будучи живым) и уже собирался уйти к себе, как вдруг его сердце пропустило удар.

С Юдзи что-то случилось.

Не раздумывая ни секунды, он рванулся прочь.

На залитом лунным светом школьном дворе Мегуми Фусигуро в оцепенении созерцал безумный хохот существа, еще мгновение назад бывшего Юдзи Итадори. Юдзи проглотил палец Рёмэна Сукуны, и теперь его телом завладел пробудившийся древний монстр.

Что делать? Что, черт возьми, теперь делать?!

Ситуация окончательно вышла из-под контроля. Но позволить Сукуне вырваться на свободу и начать резню Мегуми не мог.

Выход оставался один...

Но стоило Фусигуро принять решение, как весь мир вокруг внезапно утонул в непроглядной тьме.

Нет, не так. На дворе и без того стояла глубокая ночь, но ощущение кромешной тьмы возникло из-за того, что разом погасли все окрестные источники света. Теплый и влажный летний воздух в мгновение ока обратился в ледяной, иссушающий мороз. Смертоносная стужа сковала тело Мегуми, горло обожгло невыносимой болью, словно его пронзили насквозь, а легкие отказывались принимать этот воздух. Разум опустел; сейчас все его существо сосредоточилось на одной-единственной задаче — просто сделать вдох.

А вслед за стужей раздался голос — потусторонний, леденящий душу, несущий в себе абсолютную власть над жизнью и смертью:

— ■■■■■■■■■■?

Ледяной туман волнами накатывал на Мегуми, заставляя его тело содрогаться от судорог и пронизывающей боли. Он заставил себя поднять голову на звук. Первым, что бросилось ему в глаза, была глухая черная вуаль, на которой безумно вращались, искажались и двоились золотые глаза...

Искажение искажение искажение искажение искажение искажение

Искажение искажение искажение искажение искажение искажение

И̂с̂к̂а̂ж̂е̂н̂и̂ё̂ и̂с̂к̂а̂ж̂е̂н̂и̂ё̂ и̂с̂к̂а̂ж̂е̂н̂и̂ё̂

и̂с̂к̂а̂ж̂е̂н̂и̂ё̂ и̂с̂к̂а̂ж̂е̂н̂и̂ё̂...

и̂с̂к̂а̂ж̂е̂н̂и̂ё̂...

и̂с̂к̂а̂ж̂е̂н̂и̂ё̂...

Чья-то ледяная ладонь коснулась самой его души.

В ту же секунду Мегуми, словно вытащенный из воды утопленник, судорожно глотнул воздух, жадно возвращаясь к жизни. Веки горели огнем, в ушах глухо клокотало и чесалось, будто туда залили воду. Мегуми коснулся пальцами уха и, взглянув на ладонь, обомлел: пальцы были в крови. Кровь текла не только из ушей — она тонкими струйками сочилась из его глаз.

Но боли не было. Стоило «этому существу» прикоснуться к нему, как все повреждения мгновенно затянулись. Лишь багровые следы на коже напоминали о том, что пережитый кошмар не был плодом его воображения.

Оказавшийся рядом незнакомец тихо, с явным раскаянием произнес:

— Прости. Я слегка потерял контроль.

Мегуми поднял взгляд и замер: у существа тоже шла кровь из ушей, а из-под темной вуали медленно сбегали две влажные дорожки. Но это не была обычная человеческая кровь, и уж тем более она не походила на мутную жижу проклятых духов. Его кровь была кристально прозрачной; срываясь с подбородка, тяжелые капли разбивались о землю, точь-в-точь как слезы.

В памяти Мегуми всплыли слова его опекуна, Сабору Годзё. Тот как-то упоминал о самом дорогом для него человеке, способном забирать чужие раны себе — из-за чего тот всегда был покрыт увечьями.

В следующее мгновение проклятие особого класса мягко, почти по-матерински обняло его. Это прикосновение до боли напомнило Мегуми его сестру, Цумики. Звучало дико, но в этом пугающем, сотканном из тьмы чудовище он явственно ощутил то же чистое, жертвенное сияние, что исходило от Цумики.

Убедившись, что дыхание юноши выровнялось, существо ободряюще похлопало его по плечу и двинулось вперед. Поняв, к кому оно направляется, Мегуми из последних сил крикнул вслед, предупреждая, что перед ними — сам Двуликий Король Проклятий.

— Всё хорошо. Я справлюсь, — донесся до него мягкий, улыбающийся голос.

Несшийся со всех ног А-Эр мысленно ругал себя за минутную слабость. В панике он не сумел сдержать хлынувшую наружу проклятую энергию, из-за чего сама реальность вокруг пошла трещинами. Заметив, что Мегуми едва не лишился чувств под этим сокрушительным давлением, А-Эр мгновенно взял себя в руки и перенаправил весь полученный юношей урон на собственное тело.

Убедившись, что парень в безопасности, он наконец перевел взгляд на Юдзи. Впрочем, одного

взгляда хватило, чтобы понять: телом мальчика теперь безраздельно владеет нечто иное.

— Где этот ребенок? — негромко, но властно спросил он у захватчика.

Он ожидал яростного броска или издевательской ухмылки, но с самого момента его появления Дзуликий лишь пристально, с нескрываемым любопытством разглядывал незваного гостя. Прошла вечность — а может, пролетело лишь мгновение, — прежде чем Король Проклятий разразился громоподобным, безумным хохотом.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!.. — заливался Сукуна, словно стал свидетелем уморительной комедии. — Подумать только! Тот великий ты превратился в жалкое отребье! Какое упоение! До чего же это весело! Неужели твоя бывшая святость и привела тебя к такому бесславному концу? Кто бы мог подумать, что спустя целую тысячу лет я застаю тебя в таком ничтожном облике!

А-Эр не понимал, о чем толкует этот монстр, списав всё на бред безумного духа. Однако в одном он был уверен абсолютно: этот ублюдок вызывал у него глубочайшее отвращение. Абсолютное зло, упивающееся чужими страданиями и творящее хаос ради забавы. Они были как огонь и вода — две противоположности, обреченные на вечное противостояние.

А-Эр протянул руку, и с его пальцев сорвались несколько крошечных черных силуэтов. Этому трюку он научился за те несколько дней, что провел с Махито — создавать подчиненных существ из собственной проклятой энергии. У них не было разума, зато они беспрекословно выполняли приказы и служили отличными проводниками для его техник. Именно благодаря им он вовремя узнал о беде.

Но все же опоздал.

«Если бы я пришел чуть раньше...»

Впрочем, пустые сожаления ни к чему не приведут. Единственное, что имело значение сейчас — разорвать эту тварь на куски. Пусть захлебнется собственной кровью в уплату за жизнь Юдзи. Эта мысль полностью поглотила его, вытеснив все остальные.

Почуввав волну удушающей жажды убийства, Сукуна оскалился в хищной, предвкушающей улыбке.

— Славный настрой. Я лично вырву твои глаза.

— Попробуй, — тихо выдохнул А-Эр.

Тьма за его спиной сгустилась, превращаясь в грозовую тучу. Преданные ему порождения бездны с визгом ринулись в атаку.

Мегуми затаил дыхание, готовый к худшему. Но в самый пиковый момент схватки произошло нечто невообразимое.

Сукуна внезапно замахнулся и со всей силы врезал самому себе по лицу!

Его зрачки сузились, а из горла вырвался совсем другой, до боли знакомый голос:

— Что ты собрался сделать с Сидзу?! Я не позволю тебе тронуть его! Живо верни мне мое тело!

А-Эр вздрогнул.

— Юдзи?..

— Ах ты паршивец... — прорычал Король Проклятий, но договорить ему не дали.

Воздух вокруг зазвенел от колоссального давления. Невероятное, подавляющее присутствие заставило всех замереть и вскинуть головы к небу.

Там, на фоне холодной бледной луны, парил беловолосый мужчина. В его опущенной руке покачивалась повязка на глаза, а лазурный взор — бездонный и леденящий — окинул собравшихся на школьном дворе. Секундой позже этот взгляд намертво приковал к себе А-Эра.

— Гляжу, без меня ты отлично проводишь время, Сидзу.

<http://bllate.org/book/18335/1760478>